

Огневушка-поскакушка

Сидели раз старатели круг огонька в лесу. Четверо больших, а пятый парнишечко. Лет так восьми, не больше, Федюнькой его звали.

Давно всем спать пора, да разговор занятный пришелся. В артелке, видишь, один старик был. Дедко Ефим. С молодых годов он из земли золотую крупку выбирал. Мало ли каких случаев у него бывало. Он и рассказывал, а старатели слушали.

Отец уж сколько раз говорил Федюньке:

- Ложился бы ты, Тюньша, спать!

Парнишечку охота послушать.

- Погоди, тятенька! Я маленьчко еще посижу.

Ну, вот... Кончил дедко Ефим рассказ. На месте костерка одни угольки остались, а старатели всё сидят да на эти угольки глядят.

Вдруг из самой серединки вынырнула девчоночка махонька. Вроде кукленки, а живая. Волосенки рыженькие, сарафанчик голубенький и в руке платочек, тоже сголуба.

Поглядела девчонка веселыми глазками, блеснула зубенками, подбоченилась, платочком махнула и пошла плясать. И так у ней легко да ловко выходит, что и сказать нельзя. У старателей дух захватило. Глядят - не наглядятся, а сами молчат, будто задумались.

Девчонка сперва по уголькам круги давала, потом, - видно, ей тесно стало, - пошире пошла. Старатели отодвигаются, дорогу дают, а девчонка как круг пройдет, так и подрастет маленько. Старатели дальше отодвинутся. Она еще круг даст и опять подрастет. Когда вовсе далеко отодвинулись, девчонка по промежуткам в охват людей пошла, - с петлями у ней круги стали. Потом и вовсе за людей вышла и опять ровненько закружилась, а сама уже ростом с Федюньку. У большой сосны остановилась, топнула ножкой, зубенками блеснула, платочком махнула, как свистнула:

- Фи-т-ть! й-ю-ю-у...

Тут филин заухал, захохотал, и никакой девчонки не стало.

Кабы одни большие сидели, так, может, ничего бы дальше и не случилось. Каждый, видишь, подумал:

“Вот до чего на огонь загляделся! В глазах зарябило... Неведомо что померещится с устатку-то!”

Один Федюнька этого не подумал и спрашивает у отца:

- Тятя, это кто?

Отец отвечает:

- Филин. Кому больше-то? Неуж не слышал, как он ухаает?

- Да не про филина я! Его-то, поди-ка, знаю и ни капельки не боюсь. Ты мне про девчонку скажи.

- Про какую девчонку?

- А вот которая на углях плясала. Еще ты и все отодвигались, как она

широким кругом пошла.

Тут отец и другие старатели давай допрашивать Федюньку, что он видел. Парнишечко рассказал. Один старатель еще спросил:

- Ну-ко, скажи, какого она росту была?

- Сперва-то не больше моей ладошки, а под конец чуть не с меня стала. Старатель тогда и говорит:

- А ведь я, Тюньша, точь-в-точь такое же диво видел.

Федюнькин отец и еще один старатель это же сказали. Один дед Ефим трубочку сосет и помалкивает. Старатели приступить к нему стали:

- Ты, дедко Ефим, что скажешь?

- А то и скажу, что это не видел, да думал - померещилось мне, а выходит - и впрямь Огневушка-Поскакушка приходила.

- Какая Поскакушка?

Дедко Ефим тогда и объяснил:

- Слышал, дескать, от стариков, что есть такой знак на золото - вроде маленькой девчонки, которая пляшет. Где такая Поскакушка покажется, там и золото. Не сильное золото, зато грудное, и не пластом лежит, а вроде редьки посажено. Сверху, значит, пошире круг, а дальше все меньше да меньше и на нет сойдет. Выроешь эту редьку золотого песку - и больше на том месте делать нечего. Только вот забыл, в котором месте ту редьку искать: то ли где Поскакушка вынырнет, то ли где она в землю уйдет.

Старатели и говорят:

- Это дело в наших руках. Завтра пробьем дудку сперва на месте костерка, а потом под сосной испробуем. Тогда и увидим, пустяшный твой разговор или всамделе что на пользу есть.

С этим и спать легли. Федюнька тоже калачиком свернулся, а сам думает:

“Над чем это филин хохотал?”

Хотел у дедка Ефима спросить, да он уже похрапывать принялся.

Проснулся Федюнька на другой день позднеенько и видит - на вчерашнем огневище большая дудка вырыта, а старатели стоят у четырех больших сосен и все говорят одно:

- На этом самом месте в землю ушла.

Федюнька закричал:

- Что вы! Что вы, дяденьки! Забыли, видно! Вовсе Поскакушка под этой вот сосной остановилась... Тут и ножкой притопнула.

На старателей тут сомнение пришло. Пятый пробудился - пятое место говорит. Был бы десятый - десятое бы указал. Пустое, видать, дело.

Бросить надо.

Все ж таки на всех местах испытали, а удачи не вышло. Дедко Ефим и говорит Федюньке:

- Обманное, видно, твое счастье.

Федюньке это нелюбо показалось. Он и говорит:

- Это, дедо, филин помешал. Он наше счастье обухал да обхохотал.

Дед Ефим свое говорит:

- Филин тут - не причина.

- А вот и причина!

- Нет, не причина!

- А вот и причина!

Спорят так-то вовсе без толку, а другие старатели над ними да и над собой смеются:

- Старый да малый оба не знают, а мы, дураки, их слушаем да дни теряем.

С той вот поры старика и прозвали Ефим Золотая Редька, а Федюньку – Тюнькой Поскакушкой.

Ребятишки заводские узнали, проходу не дают. Как увидят на улице, так и заведут:

- Тюнька Поскакушка! Тюнька Поскакушка! Про девчонку скажи! Скажи про девчонку!

Старику от прозвища какая беда? Хоть горшком назови, только в печку не ставь. Ну, а Федюньке по малолетству обидно показалось. Он и дрался, и ругался, и ревел не раз, а ребятишки пуще того дразнят. Хоть домой с прииска не ходи. Тут еще перемена жизни у Федюньки вышла. Отец-то у него на второй женился. Мачеха попалась, прямо сказать, медведица. Федюньку и вовсе от дома отшибло.

Дедко Ефим тоже не часто домой с прииска бегал. Намается за неделю, ему и неохота идти, старые ноги колотить. Да и не к кому было. Один жил.

Вот у них и повелось. Как суббота, старатели домой, а дедко Ефим с Федюнькой на прииске останутся.

Что делать-то? Разговаривают о том, о другом. Дедко Ефим рассказывал побывальщины разные, учил Федюньку, по каким логам золото искать и протча тако. Случалось, и про Поскакушку вспомнят. И все у них гладко да дружно. В одном сговориться не могут. Федюнька говорит, что филин всей неудаче причина, а дедко Ефим говорит – вовсе не причина.

Раз так-то заспорили. Дело еще на свету было, при солнышке. У балагана все-таки огонек был – от комаров курево. Огонь чуть видно, а дыму много. Глядят – в дыму-то появилась махонькая девчонка. Точь-в-точь такая же, как тот раз, только сарафанчик потемнее и платок тоже. Поглядела веселыми глазками, зубенками блеснула, платочком махнула, ножкой притопнула и давай плясать.

Сперва круги маленькие давала, потом больше да больше, и сама подрастать стала. Балаган на пути пришелся, только это ей не помеха. Идет, будто балагана и нет. Кружилась-кружилась, а как ростом с Федюньку стала, так и остановилась у большой сосны. Усмехнулась, ножкой притопнула, платочком

махнула, как свистнула:

- Фи-т-ть! й-ю-ю-у...

И сейчас же филин заухал, захохотал. Дедко Ефим подивился:

- Откуда филину быть, коли солнышко еще не закатилось?

- Видишь вот! Опять филин наше счастье спугнул. Поскакушка-то, может, от этого филина и убежала.

- А ты разве видел Поскакушку?

- А ты разве не видел?

Начали они тут друг дружку расспрашивать, кто что видел. Все сошлось, только место, где девчонка в землю ушла, у разных сосен указывают.

Как до этого договорились, так дедко Ефим и вдохнул:

- О-хо-хо! Видно, нет ничего. Одна это наша думка.

Только сказал, а из-под дерна по балагану дым повалил. Кинулись, а там жердник под деревом затлел. По счастью, вода близко была. Живо залили. Все в сохранности осталось. Одне дедовы рукавицы обгорели. Схватил Федюнька рукавицы и видит - дырки на них, как следочки от маленьких ног. Показал это чудо дедке Ефиму и спрашивает:

- Это, по-твоему, тоже думка?

Ну, Ефиму податься некуда, сознался:

- Правда твоя, Тюньша. Знак верный - Поскакушка была. Придется, видно, завтра опять ямы бить - счастье пытаться.

В воскресенье и занялись этим с утра. Три ямы вырыли - ничего не нашли. Дедко Ефим жаловаться стал:

- Наше-то счастье - людям смех.

Федюнька опять вину на филина кладет:

- Это он, пучеглазик, наше счастье обухал да обхохотал. Вот бы его палкой!

В понедельник старатели прибежали из завода. Видят - свежие ямы у самого балагана. Сразу догадались, в чем дело. Смеются над стариком-то:

- Редька редьку искал...

Потом увидели, что в балагане пожар начинался, давай их ругать обоих. Федюнькин отец зверем на парнишку накинулся, чуть не поколотил, да дедко Ефим застоял:

- Постыдился бы мальчонку строжить! Без того он у тебя боится домой ходить. Задразнили да загрызли парнишка. Да и какое его вина? Я, поди-ко, оставался - с меня и спрашивай, коли у тебя урон какой случился. Золу, видно, из трубки высыпал с огоньком - вот и загорелось. Моя оплошка - мой и ответ.

Отчитал так-то Федюнькиного отца, потом и говорит парнишку, как никого из больших близко не было.

- Эх, Тюньша, Тюньша! Смеется над нами Поскакушка. Другой раз случится увидеть, так ей в глаза надо плюнуть. Пускай людей с пути не сбивает да на смех не ставит!

Федюнька свое заладил:

- Дедо, она не со зла. Филин ей вредит.

- Твое дело, - говорит Ефим, - а только я больше ямы бить не стану. Побаловался - и хватит. Немолодые мои годы - за Поскакушкой скакать.

Ну, разворчался старик, а Федюньке все Поскакушки жаль.

- Ты, дедо, не сердись на нее! Вон она какая веселая да хорошая. Счастье бы нам открыла, кабы не филин.

Про филина дедко Ефим промолчал, а на Поскакушку все ворчит:

- То-то она счастье тебе открыла! Хоть домой не ходи!

Сколько ни ворчит дедко Ефим, а Федюнька свое:

- А как она, дедо, ловко пляшет!

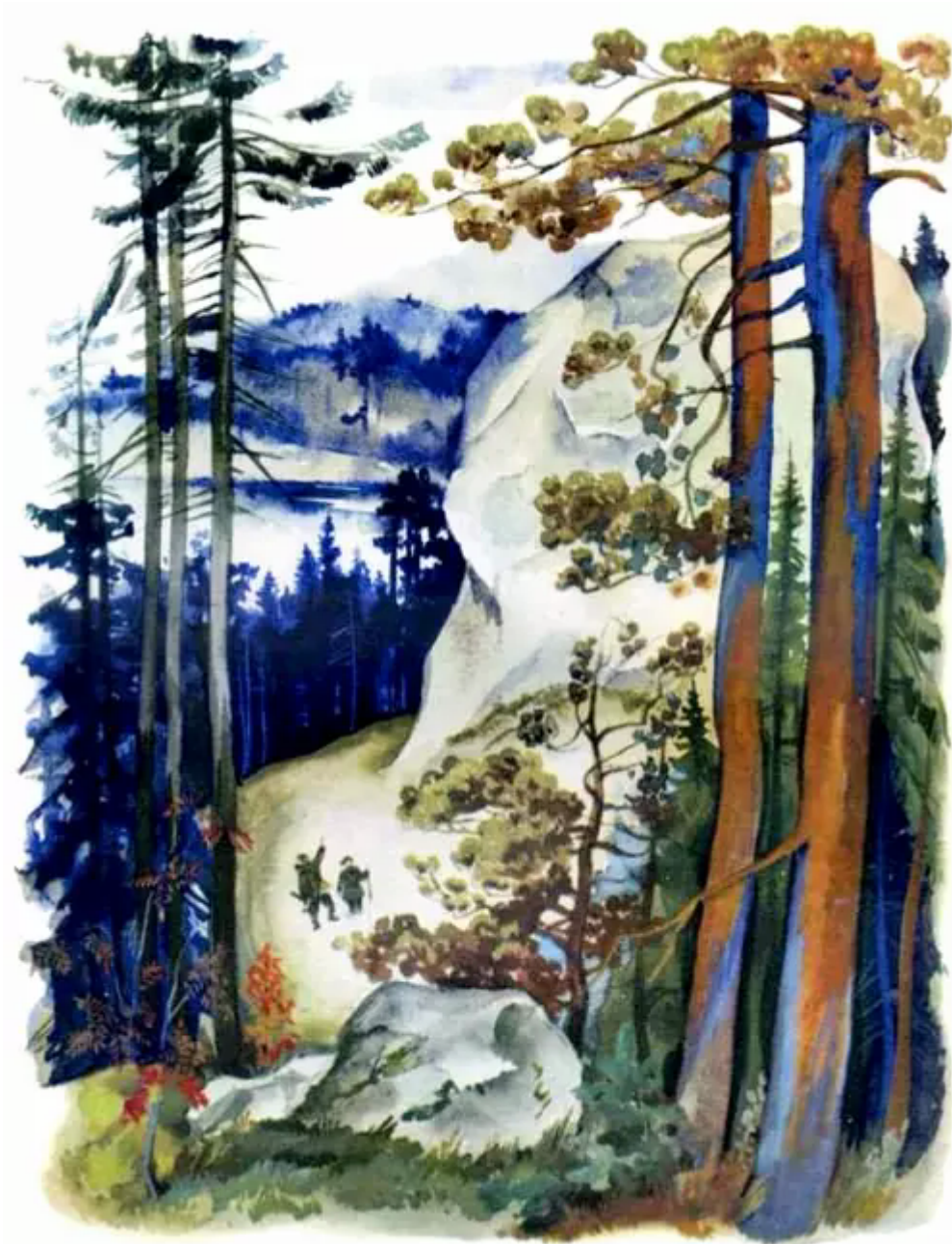
- Пляшет-то ловко, да нам от этого ни жарко ни холодно, и глядеть неохота.

- А я бы хоть сейчас поглядел! - вздохнул Федюнька. Потом и спрашивает: - А ты, дедо, отворишься? И поглядеть тебе не любо?

- Как - не любо? - проговорился дедко, да спохватился и давай опять строжить Федюньку: - Ох и упорный ты парнишко! Ох и упорный! Что в голову попало, то и засело! Будешь вот, что мое же дело, - всю жизнь мыкаться, за счастьем гоняться, а его, может, вовсе и нету.

- Как нету, коли я своими глазами видел.

- Ну, как знаешь, а я тебе не попутчик! Набегался. Ноги заболели.

Поспорили, а дружбу вести не перестали. Дедко Ефим по работе сноровлял Федюньке, показывал, а в свободный час о всяких случаях рассказывал. Учил, значит, как жить-то надо. И самые веселые у них те дни были, как они вдвоем на прииске оставались.

Зима загнала старателей по домам. Рассовал их приказчик до весны по работам куда пришлось, а Федюнька по малолетству дома остался. Только ему дома-то несладко. Тут еще новая беда пришла: отца на заводе покалечило. В больничную казарму его унесли. Ни жив ни мертв лежит. Мачеха и вовсе медведицей стала, – загрызла Федюньку. Терпел он, терпел да и говорит:

- Пойду, нето, я к дедку Ефиму жить.

А мачехе что?

- Провались ты, кричит, - хоть к Поскакушке своей!

Надел тут Федюня пимишки, шубейку-ветродуйку покромкой покрепче затянул. Хотел отцовскую шапку надеть, да мачеха не дала. Натянул тогда свою, из которой давно вырос, и пошел.

На улице первым делом парнишки налетели, дразниться стали:

- Тюнька Поскакушка! Тюнька Поскакушка! Скажи про девчонку!

Федюня, знай, идет своей дорогой. Только и сказал:

- Эх, вы! Несмышленыши!

Ребятам что-то стыдно стало. Они уж вовсе по-доброму спрашивают:

- Ты куда это?

- К дедку Ефиму.

- К Золотой Редьке?

- Кому Редька - мне дедко.

- Далеко ведь! Еще заблудишься.

- Знаю, поди-ко, дорогу.

- Ну, замерзнешь. Вишь стужа какая, а у тебя и рукавиц нет.

- Рукавиц нет, да руки есть, и рукава не отпали. Засуну руки в рукава - только и дела. Не догадались!

Ребятам занятно показалось, как Федюнька разговаривает, они и стали спрашивать по-хорошему:

- Тюньша! Ты правда Поскакушку в огне видел?

- И в огне видел, и в дыму видел. Может, еще где увижу, да рассказывать недосуг, - сказал Федюнька да и зашагал дальше.

Дедко Ефим то ли в Косом Броду, то ли в Северной жил. На самом выезде, сказывают, избушка стояла. Еще перед окошком сосна бортевая росла. Далеконько все ж таки, а время холодное - самая середина зимы. Подзамерз наш Федюнюшка. Ну, дошагал все ж таки. Только ему за дверную скобку взяться, вдруг слышит:

- Фи-т-ть! й-ю-ю-у...

Оглянулся - на дороге снежок крутится, а в нем чуть метлесит клубочек, и похож тот клубочек на Поскакушку. Побежал Федюня поближе разглядеть, а клубочек уж далеко. Федюня за ним, он того дальше. Бежал-бежал за клубочком да и забрался в незнакомое место. Глядит - пустопесье какое-то, а кругом лес густой. Посередине пустопесья береза старая, будто и вовсе не живая. Снегу около нее намело гора горой. Клубочек подкатился к этой березе да вокруг нее и кружится.

Федюнька в азарте-то не поглядел, что тут и тропочки нет, полез по цельному снегу.

“Сколько, - думает, - бежал, неуж спятиться?”

Добрался-таки до березы, а клубочек и рассыпался. Снеговой пылью Федюньке в глаза брызнул.

Чуть не заревел от обиды Федюнька. Вдруг у самой его ноги снег воронкой до земли протаял. Видит Федюнька - на дне-то воронки Поскакушка. Веселенько поглядела, усмехнулась ласково, платочком махнула и пошла плясать, а снег-то от нее бегом побежал. Где ей ножку поставить, там трава зеленая да цветы лесные.

Обошла круг - тепло Федюньке стало, а Поскакушка шире да шире круг берет, сама подрастает, и полянка в снегу все больше да больше. На березе уж листочки зашумели. Поскакушка того больше старается, припевать стала:

У меня тепло!

У меня светло!

Красно летичко!

А сама волчком да волчком - сарафанчик пузырем.

Когда ростом с Федюнькой выровнялась, полянка в снегу вовсе большая стала, а на березе птички запели. Жарынь, как в самый горячий день летом. У Федюньки с носу пот каплет. Шапчонку свою Федюнька давно снял, хотел и шубенку сбросить, Поскакушка и говорит:

- Ты, парень, побереги тепло-то! Лучше о том подумай, как назад выберешься! Федюнька на это и отвечает:

- Сама завела - сама выведешь! Девчонка смеется:

- Ловкий какой! А если мне недосуг?

- Найдешь время! Я подожду!

Девчонка тогда и говорит:

- Возьми-ко лучше лопатку. Она тебя в снегу согреет и домой выведет.

Поглядел Федюнька - у березы лопатка старая валяется. Изоржавела вся, и черенок расколотый.

Взял Федюнька лопатку, а Поскакушка наказывает:

- Гляди из рук не выпусти! Крепче держи! Да дорогу-то примечай! Назад тебя лопата не поведет. А ведь придешь весной-то?

- А как же? Непременно прибежим с дедком Ефимом. Как весна - так мы и тут. Ты тоже приходи поплясать.

- Не время мне. Сам уж пляши, а дедко Ефим пусть притопывает!

- Какая у тебя работа?

- Не видишь? Зимой лето делаю да таких, как ты, работничков забавляю. Думаешь - легко?

Сама засмеялась, вертнулась волчком и платочком махнула, как свистнула:

- Фи-т-ть! й-ю-ю-у...

И девчонки нет, и полянки нет, и береза стоит голым-голешенька, как неживая. На вершине филин сидит. Кричать - не кричит, а башкой ворочает. Вокруг березы снегу намело гора горой. В снегу чуть не по горло провалился Федюнька и лопаткой на филина машет. От Поскакушкина лета только то и осталось, что черенок у Федюньки в руках вовсе теплый, даже горячий. А рукам тепло - и всему телу весело.

Потянула тут лопата Федюньку и сразу из снега выволокла. Сперва Федюнька чуть не выпустил лопату из рук, потом наловчился, и дело гладко пошло. Где

пешком за лопатой идет, где волоком тащится. Забавно это Федюньке, а приметки ставить не забывает. Это ему тоже легонько далось. Чуть подумает засечку сделать, лопатка сейчас тюк-тюк - две ровнешеньких зарубочки готовы.

Привела лопатка Федюню к деду Ефиму затемно. Старик уж на печь полез. Обрадовался, конечно, стал спрашивать, как да что. Рассказал Федюнька деду про случай, а старик не верит. Тогда Федюнька и говорит:

- Посмотри вон лопатку-то! В сенках она поставлена.

Принес дедко Ефим лопатку да и углядел - по ржавчине-то золотые таракашки посажены. Целых шесть штук.

Тут дедко поверил маленько и спрашивает:

- А место найдешь?

- Как, - отвечает, - не найти, коли дорога замечена.

На другой день дедко Ефим раздобыл лыжи у знакомого охотника.

Сходили честь честью. По зарубкам-то ловко до места добрались. Вовсе

повеселел дедко Ефим. Сдал он золотых таракашков тайному купцу, и прожили ту зиму безбедно.

Как весна пришла, побежали к старой березе. Ну, и что? С первой лопатки такой песок пошел, что хоть не промывай, а прямо руками золотины выбирай. Дедко Ефим даже поплясал на радостях.

Прихранить богатство не сумели, конечно. Федюнька - малолеток, а Ефим хоть старик, а тоже простота.

Народ со всех сторон кинулся. Потом, понятно, всех согнали начисто, и барин за себя это место перевел. Недаром, видно, филин башкой-то ворочал.

Все-таки дедко Ефим с Федюнькой хлебнули маленько из первого ковшичка. Годов с пяток в дотатке пожили. Вспоминали Поскакушку.

- Еще бы показалась разок!

Ну, не случалось больше. А прииск тот и посейчас зовется Поскакушкинский.